

Среди них был один быстро набирающий популярность молодой актёр, не только обладающий взрывной внешностью и фигурой, но и с довольно неплохим семейным бэкграундом, идеально подходящий под амплу «волчонка» плюс «юного аристократа». Более того, его собственное обаяние и сила давления как Альфы были несокрушимо мощны. Каждый раз на фанатских мероприятиях или при встречах в аэропорту он вызывал у целой толпы Омег и Бетов немедленную течку, и даже слабые Альфы теряли дар речи и чувствовали сердцебиение, так что приходилось держать наготове с десяток машин скорой помощи.

Эту сцену можно было описать лишь как «величественное зрелище», «просто охренеть».

Опустив взгляд на фотографию Янь Жунцю в списке участников, Хэ Чжу сглотнул. Это изящное лицо, вечно бледное, словно осенняя луна, излучало стеклянную, холодную, но хрупкую красоту, заставляя трепетать от благоговейного страха и одновременно рождая тёмное, невыразимое желание вырвать из этого спокойного и равнодушного лица иные эмоции.

При мысли о том, что такому господину Яню предстоит целую неделю жить в окружении этих «больших могучих Альф», Хэ Чжу становилось не по себе, совсем не по себе.

Скажите, чем это отличается от того, как сочный большой куриный окорочок попадает в руки кучке голодающих?

Раньше Янь Жунцю хоть и появлялся во многих печатных СМИ и на телевидении, но всё это были финансово-экономические программы. Участие же в развлекательном шоу было для него впервые в жизни, плюс это было первое появление на публике за три года. Несомненно, его присоединение стало самой громкой новостью сезона.

Создатели шоу, хитрые как черти, ухватились за это и начали бешено раскручивать и создавать ажиотаж, выпуская одну дымовую завесу за другой, но при этом нарочно не анонсируя таинственного гостя, провоцируя бесконечные догадки и обсуждения по всей сети. Им удалось вывести на гребень волны сразу нескольких крупных шишек из индустрии, а связанные темы прочно обосновались в топ-3 рейтинга горячих тем Weibo.

Перед отъездом на съёмки шоу «Дневные игры, ночные прогулки» Янь Жунцю занимался своими обычными делами. Всю подготовку к отъезду он поручил Хэ Чжу и был совершенно спокоен. К тому же, в отличие от тех знаменитостей, которым нужно было всеми силами хорошо работать в шоу, чтобы привлечь фанатов и завоевать симпатию зрителей, его решение присоединиться было продиктовано лишь тем, что Сихэнчжоу — проект корпорации Янь, и личное участие президента в спонсируемом шоу давало синергетический эффект в рекламе, а также могло помочь в последующей эксплуатации.

— Завтра в десять утра съёмочная группа на месте сбора на общем автобусе отвезёт участников в Сихэнчжоу. Я буду ждать у вас дома ровно в девять, если всё пойдёт хорошо, приедем на четверть часа раньше.

Хэ Чжу, ведя машину, докладывал Янь Жунцю.

Янь Жунцю промычал в ответ.

Услышав усталость в голосе Янь Жунцю, Хэ Чжу невольно взглянул на него в зеркало заднего вида. Чёрный костюм сидел безупречно, без единой складки, тёмные волосы были блестящими и гладкими, ни один волосок не выбивался, но на нежной коже под глазами проступали синеватые тени — явные признаки недосыпа.

Хэ Чжу взглянул на время: половина десятого, а Янь Жунцю впервые закончил работу так рано. Поначалу он думал, что с успешным завершением начального этапа проекта Сихэнчжоу этот вечно занятой президент сможет немного передохнуть, но вместо того тот начал работать с удвоенной силой. И ещё эти разноцветные таблетки: Хэ Чжу сначала думал, что это дополнительные БАДы, но позже обнаружил, что Янь Жунцю заменяет ими еду.

Неужели этот человек действительно считает себя железным роботом?

Зазвонил автомобильный телефон.

Янь Жунцю дал знак:

— Ответь.

Хэ Чжу нажал кнопку приёма. В вызове не было отметки, но номер показался знакомым.

Янь Жунцю вежливо произнёс:

— Алло, кто это?

На том конце какое-то время было тихо, затем раздался чистый, низкий мужской голос, особенно приятный в тишине салона.

— Это Сяо Цю?

Сяо Цю?

Брови Хэ Чжу дёрнулись.

Вероятно, не услышав ответа, мужчина продолжил:

— Сяо Цю, это Хэ Сюнь.

Тишина.

Мёртвая тишина.

Безмолвие.

Воздух в салоне словно застыл, будто кто-то нажал на паузу.

«Сяо Цю» было особым обращением Хэ Сюня к Янь Жунцю. В первую брачную ночь Хэ Сюнь неожиданно предложил называть его именно так.

— Перед старейшинами это покажет нашу близость.

Хотя в глубине души Янь Жунцю считал это имя похожим на «воробушка», он охотно согласился.

После развода Хэ Сюнь несколько раз сам связывался с ним и по-прежнему так его называл. Но Янь Жунцю знал, что это наверняка было под давлением старейшины семьи Хэ, Хэ Цингэна. Поэтому каждый раз он намеренно держался очень отстранённо и холодно, чтобы побыстрее закончить разговор. И действительно, со временем Хэ Сюнь перестал звонить и писать, и они полностью прекратили общение.

Янь Жунцю искренне считал, что такой конец — самое лучшее. В конце концов, если Хэ Сюнь, несмотря на давление со стороны обеих семей, сам предложил расстаться, значит, он испытывал к нему крайнюю неприязнь, так зачем же снова ему досаждают? Более того, думая о том, что та бесцветная и безрадостная супружеская жизнь, возможно, оставила у такого всеми любимого молодого аристократа, как Хэ Сюнь, глубокую психологическую травму, Янь Жунцю в душе испытывал некоторое чувство вины.

Снова взглянув на Хэ Чжу, он заметил, что его спина неестественно напряжена, а затылок покрылся невидимыми чёрными линиями. Неудивительно: проработав помощником недолго, неожиданно столкнувшись с личными делами босса — кому бы не было неловко?

— Здравствуй, Хэ Сюнь.

Официально-деловой тон, без малейших эмоций — очень по-Янь Жунцю.

На том конце Хэ Сюнь, кажется, слегка опешил, не зная, как продолжить, помолчал и сказал:

— Кажется, мы давно не виделись. У тебя... в последнее время есть время?

— Нет.

— А когда у тебя будет время?

Янь Жунцю начал сочувствовать Хэ Сюню: наверняка Хэ Цингэн снова заставил его искать встречи. И дедушка, и старейшина Хэ — оба питали необычайную настойчивость в желании видеть его с Хэ Сюнем вместе. В своё время, узнав об их разводе, оба старейшины устроили такую бурю, слёзы и скандалы были в полном комплекте, не хватало лишь повеситься.

— Не беспокойся, у меня времени не будет, — с искренностью произнёс Янь Жунцю.

Хэ Сюнь, кажется, снова замолчал, а через мгновение с лёгкой горечью сказал:

— Ты правда ни капли не изменился.

— В следующем месяце восьмидесятилетие моего дедушки. Он давно тебя не видел и очень надеется, что ты придёшь.

— Я тоже надеюсь, что ты придёшь.

Вот оно что. Хэ Сюнь так вилял, наверное, боялся, что Янь Жунцю не захочет участвовать. Как это возможно? Независимо от того, развелись они или нет, к старейшине Хэ он всегда будет относиться с таким же уважением, как к собственному деду.

— Хорошо, передай дедушке Хэ, что я обязательно приду вовремя.

Сказав это, Янь Жунцю стал ждать, когда Хэ Сюнь положит трубку, но прошло немало времени, а на том конце, кажется, не собирались завершать разговор, будто всё ещё ожидая, что он что-то скажет.

— Я слышал, второй сын, кажется, тоже вернулся в Чуаньюань. Он придёт на день рождения?

— вымучил из себя Янь Жунцю, пытаюсь поддержать разговор.

— Ты про... Хэ Ваньчжи? Кто его знает. Все эти годы он держался в стороне от семьи Хэ, и после возвращения в страну тоже не навещал дом.

Услышав в голосе Хэ Сюня лёгкое раздражение, Янь Жунцю вдруг вспомнил, что этот второй сын семьи Хэ, похоже, всегда был в плохих отношениях с семьёй, в своё время даже на свадьбу старшего брата не пришёл.

— Извини.

— Ничего, — Хэ Сюнь помедлил и добавил:

— Сяо Цю, тебе ещё есть что мне сказать?

Янь Жунцю подумал и торжественно произнёс:

— Спокойной ночи.

В трубке, кажется, донёсся едва слышный вздох.

— Спокойной ночи, ложись пораньше.

В салоне воцарилась тишина.

По дороге Хэ Чжу больше не говорил. Хотя обычно он был молчаливым человеком, берегущим слова, Янь Жунцю смутно чувствовал, что сегодня вечером он замкнулся сверх меры.

На следующее утро в девять часов Хэ Чжу вовремя появился у ворот дома Янь Жунцю.

Взгляд через кованую решётку ворот упал на прихожую первого этажа. Тот самый клейкий рисовый шарик, которого он видел в прошлый раз, сейчас сидел на руках у Янь Жунцю, извиваясь и капризничая, долго нежился, прежде чем неохотно отпустил.

Перед тем как войти в дом, клейкий рисовый шарик ткнул пальчиком в свою пухлую щёчку, и Янь Жунцю наклонился, чтобы нежно поцеловать его.

В слабом утреннем свете профиль Янь Жунцю казался почти полупрозрачно-белым, а нежный взгляд из-под густых ресниц на мгновение заставил Хэ Чжу потерять дар речи.

Говорят, братья, но Янь Жунцю больше походил на отца, балующего ребёнка. Наверное, всё же из-за слишком большой разницы в возрасте?

Кованые ворота открылись, и, увидев быстрым шагом приближающегося Янь Жунцю, Хэ Чжу невольно слегка расширил глаза.

Сяо Цю — уменьшительно-ласкательное обращение, дословно "Осенька".

<http://bllate.org/book/15591/1389620>